

Этот случай произошел лет пять назад, когда казалось, что время подводить итоги столетия еще не пришло. А вспомнил я этот случай по дороге в офис Михаила Звездинского, формулируя провокационный вопрос: "Ну, "Поручик", "Свечи", "Очарована", а дальше — что?"

Михал Михалыч с порога вручил мне текст новой песни:

— Это даже не песня. Гимн движения "Отечество"...

Вот вам и творческое продолжение — автор "Голицына" выполняет партийный заказ.

— **Михал Михалыч, значит, стали заказным автором?**

На одной вечеринке зашел разговор о творчестве Михаила Звездинского. Поскольку компания была до неприличия высоколба, поклонники его творчества оказались в явном меньшинстве. И диссидентский окрас певца не устраивал, и блатная хрипотца, и невероятное количество легенд, и тюремное прошлое. Тогда мой друг сказал одну фразу, которая, на мой взгляд, резюмировала любые споры о творческом наследии Михаила Михайловича. Она, скорее, напоминала тост: "Можем спорить сколько угодно, — сказал мой товарищ. — Но если посчитать, что мы придумали в двадцатом веке, то "Поручик Голицын" окажется в этом списке..."

ФОРМАТ

— Знаешь, выполнять заказ можно только тогда, когда тебе что-то заказывают. (Звездинский, разумеется, уже обиделся. — А.М.) Меня никто не просил писать эту песню. Как никто не просил писать о бомбежках в Югославии. Как, кстати, никто не просил писать в свое время "Поручика". За него мне заплатили шестнадцатью годами жизни в тюрьме.

— **Согласен, поэт в России больше чем поэт. Но почему свое перо вы отдаете Лужкову?**

— Лужков мне здорово помог после моего возвращения из лагерей. Помню, как в декабре 90-го мы зарегистрировали театр. Он меня поздравил: у тебя первый частный театр в Советском Союзе.

Лужков бывал на тех первых после возвращения концертах, мне это было необходимо. Сегодня я его уважаю как хозяина столицы, человека, превратившего Москву в современный город. И если он это сделал в Москве, то и для всей России сделает то же самое.

ПОРУЧИКА ГОЛИЦЫНА

Я, естественно, хочу ему в этом помочь. А как может помочь музыкант? Только своими песнями.

— **Но в "Отечестве" уже есть Кобзон. И охота вам лезть в политику?**

— С Кобзоном я, между прочим, знаком уже 37 лет. В 1962-м я начинал работать музыкантом в оркестре цирка. А Кобзон участвовал в представлении — пел под наш аккомпанемент.

Я по своим убеждениям действительно всегда стоял вне политики. Но сейчас чувствую, что должен. Надоело, что моя страна плетется черт знает где. Хочется, чтобы Россия опять стала великой державой.

— **Позвольте, но вы же диссидент! Затравленный, покалеченный тюрьмами сильного тогда еще государства мечтает о его возрождении?**

— Так и есть. 16 лет лагерей, лесоповалов, тюрем за диссидентство, антисоветскую деятельность. За то, что я не воспевал в своих песнях великие стройки комсомола.

Возможно, я тогда был не прав. И пионерия, и комсомол — все это было частью идеологии. А сейчас ее нет совсем. Пусть бы пионеры ходили в походы, собирали металлолом, играли в военные игры. Да все наши бизнесмены вышли из студенческих строительных — это же были первые кооперативы!

Я в те свои юношеские годы жил в своем суверенном мире и не хотел туда никого впускать. Вокруг насаждалась коммунистическая мораль, а пионерия и комсомол были не самыми худшими ее проявлениями. Сейчас я понимаю, что без этого было бы много бардака. А так молодежь была все время занята. Да, БМ был бесполезной стройкой века, но люди были заняты. Им было не до наркотиков, не до хулиганства.

Как-то все были дисциплинированы, что ли. И в этом плане я ностальгирую по тем временам. Я, который отсидел за то, что боролся с режимом. Я не хотел ложиться под режим из-за юношеского максимализма, свободолюбия. И был неугоден. Не мог работать по заказу.

— **А что, были предложения?**

— Да сколько раз вербовали. Пишете вы, Миша, не то. Вам бы надо сделать про молодежные организации. Теперь то за такие организации, пусть не комсомол — пионерия, бойскауты или кто-там. Где субботники, где сбор макулатуры?

— **Да вы же сами против этого боролись!**

— Я боролся против системы. Я не предаю свою юность, ни в коем случае! Но с высоты

прожитых 50 лет я вижу, куда нас эта свобода привела. Молодежь в дискотеках принимает наркотики, тащится от музыки, а музыки-то и нет. Два притопа, три прихлопа. Я не хочу их осуждать. Бесполезно!

— **По-моему, вы просто ворчите. Кстати, у вас с сыном тоже конфликт поколений?**

— Я всегда очень жестко воспитывал сына. Ни в чем ему не отказывал, но лишних денег на безумства у него не было. Я ему сказал: в 18 лет ты должен полностью себя содержать. Я уже в 16 содержал свою семью.

Мы играли на танцах в Малаховке. За вечер зарабатывал 100 рублей старыми — это, чтобы понятно было, — шикарный ужин с девушкой в "Национале", с икрой, шампанским и деликатесами, оставалось еще дать швейцару и на такси. Словом, сыну за примером далеко ходить не надо.

Сын, конечно, меньше, чем его сверстники, подвержен нынешнему безумству. Просто у него нет времени. Он освоил компьютерные технологии, даже сделал ремикс моей "Очарована, околдована" на современный манер. Работает, делает по заказу странички для Интернета.

Но все равно, иногда я слушаю ту музыку, которая ему нравится, и не могу понять, что в ней может привлекать.

— **Ну, коль скоро мы говорим о роли музыки в политике, то половина исполнителей из акции "Голосуй или проиграешь!" тоже невеста о чем напевала. Однако сработало!**

— "Голосуй или проиграешь!" — наша перепечатка с американской темы. Велика заслуга — при сумасшедшем бюджете собрать двести артистов, которые орли бы во все горло: "Голосуй!"

Если говорить о моем вкладе в те выборы, то мы с театром помогли Ельцину, как могли. Сами по себе, отдельной боевой единицей, проехали по регионам и дали тысяч 300—400 лишних голосов.

— **А вы когда-нибудь подсчитывали количество своих поклонников, так сказать, электорат?**

— Тележурналисты подсчитали. Оказалось, что нет в русскоязычном мире женщины, которой не нравилась бы "Очарована, околдована". И нет мужика, который не любил бы "Поручика Голицына". А вся молодежь с удовольствием слушает "Сгорая, плачут свечи". Так вот, только эти три песни дали мне 100 миллионов поклонников. Повторяю, это не мои данные — тележурналистов, которые проводят свои опросы. Вот вам и мой электорат.

— **Ну, все! Ни слова о политике! Вы все же часть нашего шоу-бизнеса. Или не причисляете себя к нему?**

— К шоу — да, к бизнесу — нет.

— **То есть снимать дивиденды с успеха — это не для вас?**

— У меня на сегодняшний день 15 компакт-дисков, 22 магнитоальбома, несколько книг моих стихов. Ты знаешь об этом? Все они проходят незамеченными. То есть все, что я делаю, делаю как бы для себя и близких людей.

— **Михал Михалыч, но вы же в свое время отказались играть по законам нашего шоу-бизнеса. Отказались от раскрутки, взяток не даете...**

— В 91-м мои концерты собирали стадионы. Мы встретились тогда с Лисовским, он предложил работать на его условиях. Я получал 20 процентов, он — 80. Кстати, Сергей раскручивал тогда Богдана Титомира. И помните, как раскрутил! Но мне тогда эти условия показались неприемлемыми. Может быть, я заработал бы гораздо больше, чем сам. Не сходил бы с экранов, не вылезал бы из хит-парадов. Но надо было опять прогнаться. А я этого не умею, понимаю.

За эти годы мой офис дважды обворовывали. Начиная с нуля. Теперь это особенно трудно, потому что денег нет ни у кого. Не построил себе никаких дворцов. Мы десять лет арендуем крошечную дачу общей площадью метров сорок, это половина дома, другая — у Олега Табакова. Дом творчества, как я называю. Недавно пересел с "Жигулей" на "Шкоду". Были в

свое время и "Мерседес", и "БМВ" — украл. Решил, что жуликов нет смысла кормить роскошными авто.

— **Не обидно?**

— С годами становишься мудрее. Все предугадать невозможно. Раньше я вообще не задумывался, прав я или нет в той или иной ситуации. Но где те звезды начала 90-х, тот же Богдан — где он? Ушел от ЛИС'Са и пропал. А я всегда был сам по себе. Одинокий волк.

— **Получается, что подполье вы променяли на забвение?**

— Для меня — певца, композитора, поэта — по сравнению с советскими временами ничего не изменилось. Но тогда я знал, кто мой враг: аппарат, идеология, большевизм. Теперь все по-другому. Как радиация — ничего не видно, ничего не ощущаешь, сказывается только ее воздействие.

— **То есть вы чувствуете, что вашему творчеству мешают?**

— Творчеству помешать невозможно. Можно помешать зрителю, который хочет слышать мое творчество. Раньше я был вне идеологии. Теперь я — вне формата. Удобное объяснение.

— **Что, сложно попасть в этот самый формат?**

— Да можно, наверное. В общем-то все решают деньги. Но это не мой путь. Я должен заплатить за радиозфир — 30—35, а то и 50 долларов за одну песню. На ТВ — от 200—500 до 3000 долларов в зависимости от передачи. Я, может, был бы и рад заплатить, чтобы люди видели и слышали мои песни. Но у меня их просто нет. Я не в состоянии.

Можно играть по клубам. Я это делал в 60—70-е годы в разных кафе, когда после закрытия там оставались свои люди. Я был первым в этом бизнесе. Был платный вход, были люди, которые занимались финансовыми вопросами, были первые секьюрити — каратисты из подпольных тогда секций. Был идеальный порядок. Никого никогда не тронули, не обидели. Люди кайфовали от песен, выпивали, веселились. Тогда это было интересно. В этом был некий флер таинственности, запрета.

— **Флер таинственности, за который отдала треть жизни?**

— Почти треть. Мне за это дали 12 лет. Прокурор просил 14, я четыре месяца ждал обжалования, дали 12, плюс четыре — ссылки. Меня вызвал на допрос полковник. Я его спросил: за что такой срок чумовой, я ж не бандит, не убийца, не разбойник? Он ответил: что для нас убийца? Ну убил он, пусть даже нескольких человек. На этом его зло для нас закончено. А вы влияете на мозги тысяч и тысяч.

Тогда вот перед судом, будучи почти год под следствием, я "въехал", за что меня на самом деле преследуют. Я был для них опаснее, чем любой убийца.

Он, этот полковник, кстати, оказался моим поклонником.

— **То есть...**

— Ну, то есть слушал мои песни, несмотря на то, что я был запрещен. Да все они — и партийные чиновники, и кагэбэшники — меня слушали. Я узнал это от шоферов правительственных лимузинов.

Когда я освободился в 88-м, возле "Национала" еще стояли "Чайки". Возили министров, ждали своих хозяев. Шофера за 25 рублей в час — такая такая была — подрабатывали. Я любил взять "Чайку", подъехать, выйти из этого членовоза. А девчонки считали, что я сын министра.

Ну вот, от этих-то шоферов, когда мы знакомились, я и узнавал, что руководители наши любили мои песни. Наверное, как всякого запряженного певца. В конце концов, чем они отличались от простых смертных?

— **Так вот они, потенциальные слушатели вашей музыки в сегодняшних ночных ресторанах!**

— Сейчас, когда это доступно, мне неинтересно. А тем более петь свои песни в казино, в ресторанах, где люди чавкают, жуют, стучат вилками. И изредка похлопывают. Не в кайф мне — не могу себе на горло наступить. Хотя эти деньги мне очень нужны. Можно было бы по 1000 долларов обещать пять клубов и зарабатывать за вечер солидные деньги. Говорят, кто-то успевает больше.

Но не могу я через себя переступить, работаю только в концертных залах, где зрители могут сосредоточиться. У меня музыка не для еды и пьянки. Танцевать под нее можно, но даже в танцевальных вещах есть поэзия, есть смысл, философия. Их надо слушать. Это песни не для кабака.

— **Михал Михалыч, получается, что ваш идеализм и при Советсах мешал, и сейчас не ко двору. Синдром поручика Голицына?**

— Можно, наверное, и так считать. Но когда я отдаю людям мою энергию, она возвращается ко мне в виде аплодисментов, человеческого тепла, сияющих глаз женщин. От этого я заряжаюсь, это помогает мне творить новые вещи.

Я знаю, что на своих концертах дарю людям два часа радости. В этом вижу мое предназначение. Писать новые песни, новые композиции, пытаться сделать их лучше, чище. И если даже на один час я смогу вырвать их из ужасной действительности, которая нас окружает, то это уже здорово...

— **А может быть, действительно не падать духом, поручик Голицын?..**

Андрей МОРОЗОВ.